

XXVI

Каким образом может человек, считающий себя — не говорю уже христианином, не говорю образованным или гуманным человеком, но просто человек, не лишенный совершенно рассудка и совести, жить так, чтобы, не принимая участия в борьбе за жизнь всего человечества, только поглощать труды борющихся за жизнь людей и своими требованиями увеличивать труд борющихся и число гибнущих в этой борьбе? А такими людьми полон наш так называемый христианский и образованный мир. Мало того, что такими людьми полон наш мир, — идеал людей нашего христианского образованного мира есть приобретение наибольшего состояния, т. е. возможности освобождения себя от борьбы за жизнь и наибольшего пользования трудом гибнущих в этой борьбе братьев.

Как могли люди впасть в такое удивительное заблуждение?

Каким образом могли они дойти до того, чтобы не видеть, не слышать и не разуметь сердцем того, что так ясно, очевидно и несомненно? Ведь стоит только на минуту одуматься, чтобы ужаснуться перед тем удивительным противоречием нашей жизни с тем, что мы исповедуем, мы, так называемые — не говорю уже христиане, но мы, гуманные, образованные люди.

Хорошо ли, дурно ли сделал тот Бог или тот закон природы, по которому существует мир и люди; но положение людей в мире, с тех пор, как мы знаем его, таково, что люди голые, без шерсти на теле, без нор, в которых бы они могли укрыться, без пищи, которую бы они могли находить в поле, как Робинзон на своем острове, — все поставлены в необходимость постоянно и неустанно бороться с природою для того, чтобы прикрыть тело, сделать себе одежду, огородиться, сделать крышу над головой и сработать пищу, чтобы два или три раза в день утолить свой голод и голод своих немогущих работать детей и старых.

Где бы, в какое время и в каком числе мы бы ни наблюдали жизнь людей: в Европе ли, в Китае ли, в Америке ли, в России, всё ли будем рассматривать человечество или какую-нибудь малую часть его, в древние ли времена, в кочевом состоянии или в наше, с паровыми двигателями и швейными машинами, усовершенствованным земледелием и электрическим светом, — мы увидим одно и то же: что люди, непрестанно и напряженно работая, не в силах приобрести для себя и для своих малых и старых одежды, крова и пищи и что значительная часть людей, как прежде, так и теперь, гибнет от недостатка средств жизни и непомерного труда для приобретения их.

Где бы мы ни жили, если мы проведем вокруг себя круг в сто тысяч, в тысячу, в десять верст, в одну версту и посмотрим на жизнь тех людей, которых захватит наш круг, мы увидим в этом кругу заморышей-детей, стариков, старух, родильниц, больных и слабых, работающих сверх сил и не имеющих достаточно для жизни пищи и отдыха и оттого преждевременно умирающих; увидим людей в силе возраста прямо убиваемых опасной и

вредной работой.

С тех пор, как существует мир, мы видим, что люди с страшным напряжением, лишениями, страданиями борются с своей общей нуждой и не могут одолеть ее.

Мы знаем, кроме того, что каждый из нас, где бы он ни жил и как бы он ни жил, волей-неволей каждый день, каждый час поглощает для себя часть трудов, выработанных человечеством. Где бы и как бы он ни жил, дом, крыша над ним не выросли сами собой. Дрова в его печи не пришли сами, так же не пришла вода и не свалился с неба печеный хлеб, обед, и одежда, и обувь, а всё это сделали для него не одни люди прошедшего, уже умершие, но это сделали и делают для него теперь те люди, из которых сотни и тысячи чахнут и мрут в тщетных усилиях добывания самим себе и своим детям достаточных крова, пищи и одежды — средств спасения себя и их от страданий и преждевременной смерти.

Все люди борются с нуждой. Борются так напряженно, что всякую секунду вокруг них гибнут их братья, отцы, матери, дети. Люди в этом мире, как на заливаемом корабле с небольшим запасом пищи, все поставлены Богом или природою в такое положение, что должны, сберегая эту пищу, не переставая отливаться от нужды. Всякая остановка в этом труде каждого из нас, всякое бесполезное для общего дела поглощение труда других губительно для нас самих и для наших братьев.

Каким же образом случилось то, что большинство образованных людей нашего времени, не работая, спокойно поглощает труды других людей, необходимые для жизни, и считает такую жизнь самою естественною и разумною?

Для того чтобы освободить себя от свойственного и естественного всем труда, перенести его на других и не считать себя при этом изменниками и ворами, возможно только два предположения: первое, что мы, люди, не принимающие участия в общем труде, мы — особенные существа от рабочих людей и имеем особенное назначение в обществе, так же как трутни или пчелиные матки, имеющие другое назначение от рабочих пчел; и, второе, что то дело, которое мы, люди, освобожденные от борьбы за жизнь, делаем за остальных людей, так полезно для всех людей, что наверное выкупает тот вред, который мы делаем другим людям, отягчая их положение.

В прежние времена люди, пользовавшиеся трудами других, утверждали, во-первых, что они люди особенной породы и, во-вторых, имеют особенное назначение от Бога заботиться о благе отдельных людей, т. е. управлять ими и учить их, и потому они уверяли других и часто верили сами, что то дело, которое они исполняют, нужнее и важнее для народа, чем те труды, которыми они пользовались. И это оправдание до тех пор, пока не было сомнения в непосредственном вмешательстве Божества в людские дела и в различие пород, было достаточно. Но с христианством и вытекающим из него сознанием равенства и единства всех людей оправдание это уже не могло быть выставляемо в прежней форме. Нельзя уже было утверждать, что люди рождаются разных пород и достоинств и с различным назначением, и старое оправдание, хотя и поддерживаемое еще некоторыми людьми, понемногу уничтожалось и почти уничтожилось. Оправдание особенности пород людских уничтожилось; но самый факт освобождения себя от труда и пользования трудом других

для тех, которые имеют власть это делать, остался тот же, и для существующего факта постоянно были придумываемы новые оправдания, такие, при которых и без признания особенности пород людей освобождение себя от труда тех людей, которые могут делать это, казалось бы справедливым.

Таких оправданий было придумываемо очень много. Как ни странно это может показаться, главная деятельность всего того, что называлось в известное время наукой, того, что составляло царствующее направление науки, было и теперь продолжает состоять в отыскании таких оправданий. Это было целью деятельности богословских, это было целью и юридических наук, это было целью так называемой философии, и это стало в последнее время (как это ни кажется странным для нас, современников, пользующихся этим оправданием) целью деятельности современной опытной науки.

Все богословские тонкости, стремящиеся доказать, что данная церковь есть единая истинная преемница Христа, а потому она одна имеет полную и бесконечную власть над душами, да и над телами людей, главным мотивом своей деятельности имеют эту цель.

Все науки юридические: государственное, уголовное, гражданское, международное право, имеют одно это назначение; большинство философских теорий, в особенности столь долго царствующая теория Гегеля с его положением разумности существующего и того, что государство есть необходимая форма совершенствования личности, имеют одну эту цель.

Позитивная философия Конта и вытекающее из нее учение о том, что человечество есть организм; учение Дарвина о законе борьбы за существование, руководящем будто бы жизнью, и вытекающего из него различия пород людских; столь любимая теперь антропология, биология и социология имеют одну эту цель. Все эти науки стали любимыми науками, потому что они все служат оправданию существующего освобождения себя одними людьми от человеческой обязанности труда и поглощения ими труда других.

Все эти теории, как и всегда это бывает, вырабатываются в таинственных капищах жрецов и в неопределенных, неясных выражениях распространяются в массах и усваиваются ими. Как в старину все тонкости богословские, оправдывавшие насилие церковной и государственной власти оставались специальным достоянием жрецов, а в толпе ходили принимаемые на веру готовые выводы о том, что власть царей, духовенства и дворян священна, так потом философские и юридические тонкости так называемой науки были достоянием жрецов этой науки, а в толпе ходили только принимаемые на веру выводы о том, что устройство общества должно быть такое, какое есть, и иного быть не может.

И так же и теперь только в капищах жрецов разбираются законы жизни и развития организмов; в толпе же ходят принимаемые на веру выводы о том, что разделение труда есть закон, утвержденный наукой, и что так и надо: одним умирать с голода и работать, а другим вечно праздновать, и что эта-то самая гибель одних и празднование других и есть несомненный закон жизни человечества, которому должно подчиняться. Ходячее оправдание в их праздности для массы всех так называемых образованных людей с их разнообразными деятельностями, от железнодорожника до писателя и художника, теперь такое:

Мы, люди, освободившие себя от общечеловеческой обязанности участия в борьбе за существование, служим прогрессу и тем самым приносим пользу всему обществу людей — пользу, выкупающую весь тот вред, который делается тому же народу потреблением его трудов.

Рассуждение это кажется людям нашего времени совершенно непохожим на те рассуждения, которыми оправдывали себя прежние нетрудящиеся люди, точно так же как рассуждение римских императоров и граждан о том, что без них погибнет образованный мир, казалось им совершенно особенным от рассуждения египтян и персов, и точно так же как такое же рассуждение казалось совершенно особенным от рассуждения римлян средневековым рыцарям и духовенству. Но это только так кажется; стоит только вникнуть в сущность оправдания нашего времени, для того чтобы убедиться, что в нем нет ничего нового. Оно только несколько переодето, но оно то же самое, потому что основано на том же.

Всякое оправдание человека в том, что он, не работая, поглощает труды других, — оправдание фараона и жрецов, римских и средневековых императоров с их гражданами — рыцарями, жрецами и духовенством, всегда слагается из двух положений: 1) мы берем труд черни потому, что мы особенные люди, предназначенные Богом для того, чтобы управлять чернью и поучать ее божеским истинам; 2) судьями же той меры трудов, которые мы берем от черни за приносимое нами ей благо, не могут быть люди черни, потому что, как сказали еще фарисеи (Иоанна, VII, 49), «Народ невежда в законе, проклятые они». Народ не понимает того, в чем состоит его благо, и потому не может быть судьей приносимой ему пользы.

Оправдание нашего времени, несмотря на свою кажущуюся особенность, слагается по существу из тех же двух основных положений: 1) мы, люди особенные, мы, люди образованные, служим прогрессу и цивилизации и тем делаем для черни великую пользу; 2) чернь необразованная, не понимает той пользы, которую мы приносим ей, а потому не может быть в ней судьей.

Мы увольняем себя от труда, пользуемся трудом других и тем отягчаем положение наших братьев и утверждаем, что взамен этого мы приносим им большую пользу, в которой они по невежеству своему не могут быть судьями. Разве это не то же самое? Разница только в том, что прежде право на чужой труд имели граждане римские, жрецы, рыцари, дворяне; теперь — одна каста людей, называемая образованными.

Ложь та же, потому что то же ложное положение людей, оправдывающих себя. Ложь в том, что прежде чем делать рассуждение о пользе, которая приносится народу людьми, освобожденными от труда, известные люди: фараоны, жрецы или мы, образованные люди, прежде рассуждения, и фараоны и мы, мы сами становимся в это положение, поддерживаем его и потом уже придумываем ему оправдание.

Это-то положение одних людей, насилующих других, как прежде, так и теперь служит основой всего.

Разница нашего оправдания от самого старинного только в том, что оно менее основательно, чем прежние. Старинные императоры и папы, если они сами верили и народ верил в их божественное назначение, могли просто объяснять, почему именно они те люди, которые должны пользоваться трудами других: они говорили, что они определены на это самим Богом и Богом же предписано им передавать народу божественные, открытые им истины и управлять народом. Неработающие же руками образованные люди нашего времени, признавая равенство людей, не могут уже объяснить, почему именно они и их дети (потому что и образование получается только деньгами — властью) — те избранные счастливы, которые призваны приносить известную легкую пользу, а не другие люди из тех миллионов, которые сотнями и тысячами гибнут, поддерживая их возможность образования.

Единственное оправдание их то, что они — те, какие теперь есть, — взамен зла, которое они делают народу, освобождая себя от труда и поглощая его труды, приносят народу непонятную для него пользу, такую, которая выкупает весь производимый ими вред, хотя польза эта и непонятна народу.

Версия #1

Зверобой создал 28 марта 2025 08:31:06

Зверобой обновил 28 марта 2025 08:31:30